

Диана
Кан

ВЕТЕР ВОЛИ

* * *

Даже неважно, с кем засыпать,
А просыпаться надо с любимым...
Палец о прялку уколешь опять –
Тысячелетья проносятся мимо.

Встречи-прощания материков.
Выдох и вдох мировых океанов.
Протуберанцы кровавых эпох
И содроганья душевных вулканов.

Что это, ежели не суета?..
На сквозняках безразличной Вселенной
Гроб мой хрустальный парит, как мечта,
Самонадеянно, самозабвенно.

Где ж королевич мой свет-Елисей?
Что ж он никак не вернётся
из странствий?
Пусть поцелует меня поскорей:
«Дочка моя, Елисеевна, здравствуй!»

* * *

Здесь растут без всяких привилегий
Придорожной сорною травой
Россыпи прибудных аквилегий,
Принятых Россией на постой.

Здесь в дожде купается купена,
Предвкушая солнечный потоп.
И ромашки всходят белопенно,
Обживая фронтовой окоп.

Это всё она, моя Россия!
Это я, её родная дочь!
Кашки сами в руки попросились –
Их сорвать хотела – да невмочь!

Прикорнул к плечу татарник милый,
Даже не пытаюсь уколоть...
...Эх, напрасно мама попросила
Доченьку картошку прополоть!

* * *

Овладев античным гекзаметром,
Я вдыхаю сумрачный простор,
Где всюю качается под ветром
Петербургский пьяный светофор.

С ним в обнимку
грустный гастарбайтер
Провожает взглядом лимузин.
И столичным стритом лунным найтом
Рассекает хипстер, сукин сын.

Время хипануть и удивиться,
Стоило ли ехать далеко,
Чтобы в этой западной столице
Встретиться
с ташкентским земляком?..

Помнится, в Ташкенте кентовали,
Обнимали пьяный светофор,
Также хипповали, шизовали,
Никого не видели в упор.

Словно неизбежная издержка
 Всех житейских и душевных драм,
 Еле уловимая усмешка
 Прикипела намертво к губам.

Я бы и хотела улыбаться
 Ранюю запёкшегося рта
 Так, как будто мне опять семнадцать
 И не смыслю в жизни ни черта.

Но глядит с ответною издевкой,
 На меня глядит со всех сторон –
 Петербург – от Лиговки до Ржевки –
 Что похож на обморочный сон.

Презирая суетные контры,
 Он летит гексаметром в зенит!..
 Он меня, конечно, пересмотрит,
 Только всё же не переглядит.

* * *

Пусть вы не торжество добра и света,
 Как ни крути, вас не любить нельзя –
 Сценичные циничные поэты.
 Заклятые самарские друзья.

Ведь я была одной из вас когда-то.
 Хотела б откреститься, да никак!
 Разбойные запойные ребята,
 Отечеством считавшие кабак.

Рассадин, Чепурных, Олег Портнягин...
 Ах да, Сиротин! Как забыла я!
 Немало вы попортили бумаги...
 ...И Семичев – особая статья.

Немало вы кровей моих попили
 Вприхлёб
 с самарским пивом «Жигули».
 Немало, как княжну, меня топили,
 Но утопить в итоге не смогли!

Не утонула, породнилась с Волгой...
 Она во мне свою признала дочь.
 И с той поры – увы и слава богу! –
 Ни помешать нельзя мне, ни помочь.

И разве я могла в вас не влюбиться,
 Как ни крутили пальцем у виска,

Когда взлетали странички-страницы
 И строфы-катастрофы в облака?

Когда, презрев досужие приметы
 И больше не желая быть, как все,
 И я взлетала с ними против ветра
 По этой чёрной взлётной полосе?..

* * *

Эх, не это, не пито, не курено,
 Не целовано девок вzasос!..
 Знать, в деревню Большое Никулино
 Неспроста нас нечистый занёс.

Здесь оконца намыты-надраены –
 Ни сказать, ни пером описать!
 Николаевна свет Нидвораевна
 За околицу вышла встречать.

Распростёртыми встрела проклятьями:
 «Нет креста на вас, скройтесь с глаз!»
 И – привычное, право, занятие! –
 Приголубила матерно нас.

Мы б ушли, ведь дорога проторена,
 Ветер воли пьянит, как нектар.
 Для кого же ворота отворены,
 Стол накрыт, и кипит самовар?

Гость незванный получше татарина!..
 Для кого же, незваного в дом,
 Банька топлена, липа заварена,
 И расшиты кисеты крестом?

И не верится, братцы, не верится,
 Ну несколько не верится мне
 В то, что здесь не для нас

красны девицы,
 Словно маковый цвет, по весне!

Николаевна свет Нидвораевна,
 Пусть у нас ни кола, ни двора...
 Польшаёт закатное зарево –
 Приюти дураков до утра!

* * *

Жигулёвская вольница
 стонет: «Вернись!»

Новгородская вольница
 чаёт: «Приди!»

